

Глава 6. Откуда ему знать, что я ветреный?

Если я ветреный, то в этом мире, похоже, не осталось порядочных людей.

Я уже развернулся, чтобы потребовать от Мо Чуаня объяснений, как вдруг у входа послышались скорбные всхлипы. Вскоре в зал, поддерживаемая молодой парой, вошла смуглая пожилая женщина.

Мо Чуань тут же поднялся и поспешил им навстречу.

— Пинцзя! Пинцзя! — Старуха, которая до этого едва передвигала ноги, при виде Мо Чуаня откуда-то нашла в себе силы, вырвалась из рук провожатых и, пошатываясь, бросилась к нему, упав на колени и вцепившись в подол его одежды.

Она говорила с сильным акцентом, повторяя, что скоро умрёт и перед смертью просит Владыку Гор помочь ей найти сбежавшую из дома дочь.

— Говорите медленно, — Мо Чуань взял её под руки и помог подняться. Его тон стал мягким, разительно отличаясь от того, каким он говорил со мной.

Я постоял ещё немного, понял, что моё присутствие здесь неуместно, отвязал Эр Цяня и ушёл.

С приездом Го Шу все наконец были в сборе. За ужином она, как истинная северянка, предложила выпить в честь встречи. Янь Чувэнь, который пил неважно, сначала отказывался, но под её напором всё же сдался и достал из шкафа бутылку местной гаоляновой водки.

— Только понемногу, ладно? Она крепкая, с ног сшибает.

Янь Чувэнь предупреждал, но его никто не слушал. В итоге мы осушили всю бутылку.

Из пол-литра Го Шу выпила половину, я — граммов двести, а Янь Чувэнь — всего пятьдесят, да и те умудрился наполовину расплескать, прежде чем свалиться под стол.

Водка была хороша, и правда очень крепкая. Отнеся Янь Чувэня в его комнату, я почувствовал, как хмель ударил в голову, и по телу разлилось тепло.

Вернувшись к себе, я закурил и встал у окна, чтобы немного проветриться.

Как же тихо. Так тихо, что собственное дыхание кажется лишним. Я привык к шуму большого города, и такая тишина была непривычной.

Окно моей комнаты выходило на север, и отсюда, ничем не заслонённый, открывался вид на храм на вершине холма.

В лунном свете его золотая крыша больше не сияла, а белые стены потемнели. Глаз мог различить лишь смутный силуэт вдали.

Ветреный.

Первые два года в университете я, признаться, был немного... ветреным. Девушки менялись довольно часто. Первая — на три месяца, вторая — на два, третья продержалась дольше всех, почти полгода. Но разве три девушки за два года — это так много? Да и та, что на полгода,

была по переписке!

К тому же, с третьего курса я с головой ушёл в учёбу и больше не принимал ничьих признаний. Будь я и вправду ветреным, я бы менял их не раз в год, а каждую неделю.

— Чёртов ветренный, — прошипел я сквозь зубы.

Семь лет назад, когда он уехал обратно к цэнлу, как раз были летние каникулы между третьим и четвёртым курсом. Я-то думал, он хотя бы закончит университет, а он просто взял и исчез. С тех пор мы не виделись. Откуда ему знать, что я ветренный?

Нет, если я сегодня же не выясню это, то не усну.

Я никогда не отличался терпением, а алкоголь лишь обострил это качество, заставляя действовать немедленно.

Затушив сигарету о подоконник, я схватил куртку и спустился вниз. Проходя мимо лежанки Эр Цяня, я заметил, как он поднял голову и с любопытством посмотрел на меня. Я натянул пуховик, приложил палец к губам и прошептал: «Тссс». Он, словно всё поняв, снова улёгся.

Ночью в Пэнгэ было не только тихо, но и холодно. Алкогольное тепло улетучилось за пару шагов, растворившись в ледяном ночном ветре.

Втянув голову в плечи, я дошёл до ворот храма, огляделся по сторонам и, убедившись, что никого нет, прищурившись, заглянул в щель. Темнота, ничего не видно. Приложив ухо к воротам, я тоже ничего не услышал.

Обойдя храм, я обнаружил, что стена, хоть и высокая, сложена из камней, так что зацепиться было за что.

Вот и пригодились навыки скалолазания, полученные на уроках выживания на природе.

Закатав рукава, я размялся и осмотрел стену.

Отойдя на несколько шагов, я с разбега оттолкнулся от выступающего камня, подпрыгнул, ухватился за край стены, а затем, следуя намеченному маршруту, оттолкнулся ногой и легко взобрался наверх.

Отсюда открывался отличный вид на весь двор и главный зал.

Во дворе было тихо, лишь в окне сбоку от главного зала горел тусклый жёлтый свет. Наверное, там и жил Мо Чуань.

Почему он ещё не спит? Разве здесь не ложатся в восемь? Сейчас уже...

Я похлопал по карманам и понял, что не взял телефон.

«Ладно, неважно», — подумал я, сидя на стене.

Важно... важно...

Что же было важно?

В голове стоял туман, мысли путались, образуя лабиринт, из которого было трудно выбраться.

А, точно. Я пришёл разобраться с Мо Чуанем.

Хоть и с трудом, но я всё же вспомнил.

Далёкий свет в окне дрогнул, и на шторе появилась размытая тень.

Как даже тень может быть такой красивой?

Я смутно подумал об этом, заметив, как силуэт снимает с себя украшения, видимо, готовясь ко сну. Я забеспокоился.

Нужно спросить его, пока он не уснул...

Я перекинул ноги через стену и спрыгнул вниз, но, видимо, из-за опьянения, не удержал равновесие и задел стоявший рядом цветочный горшок.

Раздался тихий стук. Я не успел разглядеть, разбился ли горшок, — тень на шторе замерла, а затем наполовину снятая одежда вернулась на место.

— Кто там?

Увидев, что он собирается подойти к окну, я не решился больше задерживаться. В панике я полез обратно на стену, спрыгнул, снова не удержался на ногах и, неловко перекатившись по земле, с трудом встал.

Боясь, что Мо Чуань выйдет проверить, я, не отряхиваясь, спотыкаясь, побежал прочь. Только вернувшись к себе и снимая одежду, я заметил, что порвал пуховик — из дыры торчал гусиный пух.

Ограбление не удалось, да ещё и куртку испортил. Невезение. Я рухнул на кровать. От тепла в комнате меня разморило, и я, что-то ворча себе под нос, закрыл глаза.

Следующие несколько дней, чувствуя себя немного виноватым, я держался подальше от храма. Моя жизнь свелась к рисованию, удалённым совещаниям с коллегами и бесцельным прогулкам по деревне.

Я по натуре человек общительный, так что быстро примелькался местным жителям и даже подружился с деревенским старостой, Не Пэном.

В отличие от городских чиновников, у деревенского старосты забот было куда больше, и касались они всех сторон жизни. У кого-то в доме пропал свет — он шёл чинить. Соседи ссорились — он шёл мирить. Иногда от нечего делать я составлял ему компанию.

В тот день у одной семьи пропал интернет. Не Пэн пришёл спросить, не смогу ли я помочь.

Серьёзную поломку я бы не осилил, но с мелочью можно было попробовать разобраться. Я пошёл с ним.

Проблема и вправду оказалась пустяковой — я просто зашёл в настройки роутера и изменил пару параметров.

Но хозяйка дома всё равно угостила меня лучшим чаем и сладостями и даже хотела оставить

на ужин.

— Сестрица, ужинать не буду, а вот брошь вашу можно посмотреть?

Я заметил её, как только вошёл. На груди женщины была приколата красивая квадратная брошь из чистого серебра. Сложные, изогнутые линии, похожие на виноградную лозу, сходились в центре, обнимая яркий красный коралл. На тёмно-синей ткани платья она смотрелась особенно эффектно.

Хозяйка не очень хорошо понимала язык ся и растерянно посмотрела на Не Пэна.

Не Пэн перевёл ей, а потом добавил:

— Младший братец — ювелирный дизайнер, ему просто любопытно, злого умысла нет.

Поначалу я не собирался скрывать, что знаю язык цэнлу, но потом подумал, что если я заговорю на нём, Янь Чувэнь сразу поймёт, что я его обманул. Пока я колебался, момент был упущен.

Теперь признаваться было бы неловко, так что я решил и дальше притворяться чужаком, не понимающим их язык.

Женщина, выслушав Не Пэна, кивнула, осторожно отколола брошь и протянула мне.

— Какая красивая. Это семейная реликвия? — Я мог оценить качество коралла, но не возраст изделия.

— Дизайн — да, но сама брошь — нет, — ответил Не Пэн, запинаясь. — Это называется синьинь. У меня такая же. — Он указал на маленькую золотую звёздочку у себя на груди. — У нас, цэнлу, нет фамилий, мы различаем семьи по этим знакам. Раньше, во время войн, если кто-то погибал, его не могли опознать. Но по этому знаку те, кто собирал тела, могли узнать, где его дом.

— Войны давно закончились, а обычай остался. У вас ведь женщины, выходя замуж, берут фамилию мужа? У нас тоже так, только мы меняемся синьинями, — с гордостью сказал Не Пэн. — Эта звёздочка — синьинь моей жены.

Вот те на. А я-то думал, это значок комсомола.

— «Брать фамилию» — это всё в прошлом. Сейчас так уже не делают. Ваш обычай лучше, — сказал я.

Не Пэн не очень хорошо говорил на языке ся. Я попросил его написать мне иероглифы слова «синьинь» и понял, что оно означает «печать веры», а не «фамилия».

— А у Пинцзя, наверное, нет такой штуки? — Я припомнил, что ни у Мо Чуаня, ни у Ли Яна не видел на груди брошей.

Не Пэн рассмеялся.

— Им жениться нельзя, зачем она им?

Хозяйка, услышав слово «Пинцзя», вмешалась в разговор, когда я вернул ей брошь.

— Вы говорите о Пинцзя?

— Младший братец спросил, есть ли у Пинцзя синьинь, — ответил Не Пэн.

Женщина тоже улыбнулась.

— У Пинцзя нет синьиня, но у него есть много вещей куда более ценных. Самые сверкающие сокровища нашего народа принадлежат Пинцзя.

Не Пэна словно осенило. Он снова перешёл на язык ся.

— Младший братец, если тебя интересуют украшения, тебе стоит поговорить с Пинцзя. У него хранится множество драгоценностей от предыдущих Яньгуаней: ожерелья, серьги, браслеты... Ни у кого из нас нет столько. — Он показал руками круг диаметром сантиметров в десять. — У него есть вот такой кусок нефрита, изумрудно-зелёный, подарок самого императора.

То ли люди здесь были слишком наивны, то ли слишком бесстрашны. В Хайчэне даже дети знают, что нельзя доверять незнакомцам. Я был здесь меньше недели, знал их всего несколько дней, а они уже выкладывали мне всё.

Будь я хоть немного жадным и жестоким, Мо Чуань не дожил бы до утра.

Я нахмурился и предостерёг:

— Старший брат, мне ты это сказал, и ладно. Но больше никому не говори. Боюсь, найдутся те, кто позарится на чужое добро и решит навредить Пинцзя.

Не Пэн на мгновение замер, а потом громко рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

— Ты хороший парень, брат в тебе не ошибся. Не волнуйся, если кто-то посмеет тронуть Пинцзя, мы его из-под земли достанем!

«Если его убьют, какой смысл будет доставать кого-то из-под земли?»

Я чувствовал, что он не принял мои слова всерьёз, но поскольку это меня не касалось, я не стал настаивать.

Хозяйка проводила нас до ворот, где мы столкнулись с большой группой людей, входивших в соседний дом. У всех были серьёзные лица. Вскоре из дома донеслись тихие рыдания.

— От Юньдо всё ещё нет вестей, — вздохнула женщина, глядя на соседний дом. — Её мать хотела увидеть дочь перед смертью, но, похоже, не судьба.

Не Пэн тоже посмотрел туда с мрачным видом.

— Не стоило ей уезжать из Пэнгэ.

Притворяться, что не понимаешь, очень утомительно, особенно когда речь идёт о сплетнях. К счастью, Не Пэн скоро усадил меня в машину, и разговор переключился на другую тему. Он не стал объяснять, что случилось в том доме, а я не стал спрашивать.

Я думал, он отвезёт меня прямо домой, но вместо этого он поехал на почту в нескольких километрах от деревни, забрал кучу посылок и одну протянул мне.

— Что это? — Я опустил глаза. Посылка для господина Лу.

— Это для Пинцзя. Ты как раз по пути, завезёшь ему.

Для Мо Чуаня? Господин Лу... Лу... Олень?

Ха, кто сказал, что у Пинцзя нет синьиня? Вот же, сам себе фамилию мужа присвоил. Я, не оборачиваясь, швырнул посылку на заднее сиденье.

Не Пэн искоса взглянул на меня.

— Если не хочешь, я сам завезу. Я просто подумал, вы же в одном университете учились, наверное, хорошо знакомы...

— Я отвезу, — прервал я его с каменным лицом. — Мы знакомы. Я ему передам.

Цояньсун расположен высоко, ближе к экватору, так что зимой даже в четыре-пять часов вечера солнце всё ещё стояло высоко в небе, и не было и намёка на закат.

Войдя в ворота, я увидел Мо Чуаня, поливающего цветы. Одной рукой он придерживал рукав, слегка наклонившись. Нефритовое ожерелье на его груди под солнечными лучами сияло таким ярким зелёным светом, что чуть не ослепило меня.

— ...

Неужели у этих цэнлу совсем нет понятия о том, что нельзя выставлять богатство напоказ?

Это нефритовое ожерелье, судя по качеству камня и цвету, стоило не меньше восьмизначной суммы. А если оно ещё и старинное... страшно даже представить его ценность.

Все цэнлу должны быть благодарны мне за то, что я не жадный человек.

Я кашлянул, чтобы привлечь его внимание, и, когда он обернулся, сразу объяснил причину своего визита.

— Брат Не Пэн просил передать тебе посылку, — сказал я, поднимая коробку.

Коробка была большой, но лёгкой. Когда я её встряхнул, внутри что-то загремело.

— Спасибо, что принёс.

Мо Чуань поставил лейку и подошёл ко мне, забирая посылку. Его прохладные пальцы едва коснулись моей руки, оставив ощущение лёгкое, как пёрышко.

Я вздрогнул и посмотрел на него, но его лицо было невозмутимым. Я незаметно сунул руку в карман и крепко сжал кулак.

Коробка была заклеена небрежно. Он прямо при мне оторвал скотч и достал стопку зелёных пластиковых горшков.

— Ко мне на днях вор залез, разбил ещё один горшок. Боюсь, он вернётся и перебьёт остальные, так что я специально заказал в интернете пластиковые, чтобы всё заменить, —

сказал он с улыбкой. — Но надеюсь, что даже если он вернётся, то не будет таким дураком, чтобы снова лезть через стену с цветами.

— ...

Чёрт, он точно знает! Знает, что это был я!

<http://bllate.org/book/13443/1197030>